

ПИТАННЯ ПЕРЕКЛАДОЗНАВСТВА ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

DOI: 10.18524/2307–4558.2021.35.237794

УДК 811.161.1'255.4'42

БУКРЕЕВА Лилия Леонидовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: lilibuk@ukr.net; моб.: +38 097 2535137

КОЗАК Татьяна Борисовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; e-mail: anton_kozak@ukr.net; моб.: +38 067 4883681

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. *Цель* статьи заключается в определении степени функционального подобия текста Библии и текста ее переводов на основании их компаративного анализа. *Объектом* научного рассмотрения выступают стилистические особенности русских переводов библейского текста, который служит *предметом* исследования. В задачи исследования входило выявить характерные особенности двух современных переводов ветхозаветной книги Песнь Песней Соломона, выполненных с древнееврейского языка на русский и определить *методом* компаративного анализа степень смыслового и художественного расхождения в исследуемых текстах. Актуальность рассмотрения этого выдающегося литературного произведения сохранилась и по сей день, поскольку эта ветхозаветная книга интересна обилием стилистических приёмов, перевод которых требовал от переводчиков на протяжении многих веков и творческого подхода, и чрезвычайно широких фоновых знаний. Компаративный анализ переводов позволил определить художественный уровень двух современных переводов Песни Песней и *результат* исследования подтвердил факт, что достижение функционального соответствия перевода оригиналу возникает лишь в том случае, когда переводчик избегает буквального копирования подлинника и стремится творчески воплотить художественные образы исходного текста в словесную ткань другого языка. **Выводы.** Сравнение переводов делает очевидным тот факт, что обилие буквализмов, неоправданных транслитераций, стилистических и логических ошибок в первом варианте, выполненном под редакцией Давида Йосифона (1978), значительно уступает по своим художественным характеристикам второму переводу Даат Микра («Взгляд на Танах», 2000). *Научная ценность* работы заключается в том, что сравниваемые современные переводы были выполнены непосредственно с древнееврейского языка — языка оригинала, в отличие от большинства существующих переводов, сделанных с древнегреческого языка, а результаты данной статьи найдут *практическое применение* в преподавании теории и практики перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, буквализм, адекватность, компаративный анализ, трудности художественного перевода, функциональное подобие, Песнь Песней.

Постановка проблемы. Данная статья посвящена актуальным проблемам художественного перевода, в частности проблеме адекватности перевода подлиннику. Целью исследования является определение степени функционального подобия текста Библии и текста её переводов на основании их компаративного анализа. В задачи исследования входило выявить характерные семантические и стилистические особенности двух современных переводов ветхозаветной книги Песнь Песней Соломона, выполненных с древнееврейского языка на русский и таким образом определить степень смыслового и художественного расхождения в исследуемых текстах.

Связь с предыдущими исследованиями. Несмотря на то, что написание Песни Песней Соломона восходит к X в. до н.э. и Библия является одной из первых напечатанных и переведённых на другие языки книг, актуальность исследования этого выдающегося литературного произведения сохранилась и по сей день, поскольку эта ветхозаветная книга интересна обилием стилистических приёмов, перевод которых требовал от переводчиков на протяжении многих веков и творческого подхода, и чрезвычайно широких фоновых знаний. Ими в совершенстве владели такие выдающиеся теоретики и практики перевода как американский основоположник динамической теории эквивалентности Юджин Найда, белорусская исследовательница библейских текстов Галина Синило и другие учёные [2; 5; 6; 7].

Новизна данного исследования заключается в том, что сравниваемые современные переводы были выполнены непосредственно с древнееврейского языка — языка оригинала, в отличие от большинства переводов, созданных на основе Септуагинты, т.е. переведённых с древнегреческого.

Изложение основного материала. Многовековая практика перевода обрела своё теоретическое обоснование совсем недавно. Как показывает история, художественный перевод, исполняющий функцию, равную функциям других культурных ценностей, в большинстве случаев колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала вольный перевод. Дословный перевод не воспроизводит художественный эффект подлинника. Дословная точность и художественность оказываются в постоянном противоречии друг с другом

Задачи исследования предполагают рассмотрение переводимого текста в трёх аспектах: смысловом, стилистическом и прагматическом. Эти стороны подлинника и подлежат воспроизведению при переводе, однако никогда не могут передаваться со стопроцентной точностью. Абсолютизация любого из этих аспектов ведет к определенному виду буквализма: смысловому, стилистическому или прагматическому. Иными словами, из того обстоятельства, что перевод адекватен оригиналу только в смысловом отношении, еще не следует, что он может рассматриваться как адекватный в целом. Общая адекватность определяется как «оптимальный продукт прагматической, семантической и стилистической эквивалентности» [1, с. 139].

Священное Писание в оригинале написано на трех языках: на древнееврейском, на арамейском и на древнегреческом. Что же касается Ветхого Завета, то большая его часть написана на древнееврейском языке. Сохранились две редакции Ветхого завета: древнееврейская и древнегреческая. Они отличаются друг от друга количеством книг, а также объемом некоторых одноименных произведений.

В еврейской Библии книга Песнь Песней помещается в третьей части ветхозаветных книг — среди так называемых агиографов и следует непосредственно после книг Псалмов, Притчей и Иова, перед книгой Руфь.

Изложение основного материала исследования. Песнь Песней является выдающимся творением не только древнееврейской, но и мировой поэзии. Тема Песни Песней — любовь, одно из самых сложных и сильных чувств, присущих человеку. В силу этого и возникло сначала в иудейской, а затем и в христианской традиции аллегорическое толкование Песни Песней как отражения любви Бога и избранного им народа, Христа и Церкви Христовой.

По жанру Песнь Песней представляет собой лирическую любовную и философскую поэму, в центре которой история любви и описание свадебного обряда, обладающего в мифопоэтическом мышлении многих народов особым священным, сакральным смыслом. Главные действующие лица поэмы — безымянные пастух и пастушка. Девушка лишь однажды названа по месту происхождения — ха-шуламит (шуламитянка) — жительница Шулама (Сулама). Впоследствии это имя нарицательное стало восприниматься как собственное, как имя героини — Суламифь. Герой поэмы — юноша, которого иногда именуют царем и сравнивают с Соломоном. Однако это сравнение чисто метафорическое: в свадебных обрядах очень многих народов жених уподобляется царю [2, с. 54].

Два современных русских перевода Песни Песней с древнееврейского языка отличаются между собой *стилистическими* особенностями, но демонстрируют явное сходство в передаче смысла высказывания, это даёт основание предполагать их близость к оригиналу на *денотативном* уровне. Первый из них был выполнен под редакцией Давида Йосифона и опубликован в книге *Кетувим (Писания)* в Иерусалиме издательством «Мосад Арав Кук» в 1978 году. Второй перевод базируется на толковании Раши (1040–1105), основного комментатора Танаха, а также на современном комментарии «Даат Микра» («Взгляд на Танах»), и был опубликован в книге *«Песнь Песней. Комментарий»*, Иерусалим — Москва в 2000 году.

Переходя к сопоставительному анализу данных текстов, следует отметить, что автор первого перевода в отличие от второго переводчика не указывает на принадлежность слов каждого из героев книги и не уточняет, к кому именно обращены его слова. Второй переводчик использует в своём варианте сноски, в которых объясняет значения многих реалий, что делает его текст более понятным и обогащает знания русского читателя. Такого рода объяснения за пределами самого текста не нарушают лиричность повествования поэтического произведения.

Начиная с 1-ого стиха Песни, на протяжении всего текста оба переводчика, к сожалению, транслитерируют древнееврейское имя «Соломон» как «Шеломо» и «Шломо». Однако, не каждый русскоязычный читатель в отрыве от контекста поймёт значение этой лексемы.

Следует отметить, что второй переводчик, в отличие от первого, во 2-м стихе сумел избежать стилистически неоправданного плеоназма:

«о, пусть он целует меня поцелуями уст своих» (1)

«пусть сольются в поцелуе наши уста» (2)

3-ий стих также поэтичнее звучит во втором варианте:

«благоуханны притирания твои» (1)

«само имя твоё источает аромат». (2)

В 4-ом стихе первый переводчик не увидел метафоры («владыка мой») и буквальным переводом («царь») затемняет смысл высказывания:

«Привёл меня царь в покои свои» (1)

«приведи меня, владыка мой, в свои покои» (2)

Оба переводчика в 4-м стихе сохранили сравнение подлинника: «*ласки твои... лучше вина*» «*любовь... слаще вина*». Но глаголы с окончаниями множественного числа («*вспомним*», «*любят*») в первом переводе автор второго варианта посчитал неуместными и заменил на единственное:

«*вспомним ласки твои, что (лучше) вина!*» (1) «*будем... воспевать любовь нашу,*
Справедливо любят тебя!» (1) «*которая слаще вина, любовь чистую!*» (2)

В 5-ом стихе первый переводчик не знал, по всей видимости, что древнееврейское слово «кэйдар» означает «кочевник» и воспринял его как имя собственное. Кроме того, он неоправданно объединяет совершенно противоположные сравнения «*черна... — как шатры Кедара*» и «*красива... — как завесы Шеломо*».

«*Черна я, но красива, дочери Йерушалайма,*
как шатры Кэйдара, как завесы Шеломо» (1)

Второй переводчик, учитывая широкий контекст, использует прием логического развития понятия — «*хоть от загара и черна я*». Тем самым он избегает многозначности слова «черна» и, вводя базу сравнения (белый цвет), объясняет второе сравнение: «*белокожа... как белые ковры*»:

«*Хоть от загара и черна я, дочери Иерусалима,*
как шатры кедаров,
но сойдет загар — и снова стану я белокожей и прекрасной,
как белые ковры во дворце Шломо» (2)

В 6-ом стихе буквализм в первом переводе — «*сыновья матери моей*», к сожалению, не передает смысл всего отрывка, в котором речь идет о старших сводных братьях героини, несправедливо обращающихся с девушкой:

«*Сыновья матери моей разгневались на меня,* «*Единоутробные братья мои жестоки*
поставили меня стеречь виноградники, *ко мне, заставили меня стеречь их*
а своего я не устерегла» (1) *виноградники — потому-то собственный*
 виноградник запустила я» (2)

Во втором переводе союз «*потому-то*» раскрывает смысл всего высказывания, заключающийся в том, что старшие братья, не будучи ей родными по отцу, испытывают к девушке неприязнь и заставляют её всё время сторожить от вредителей *их* виноградники. Из-за этого у героини не хватает времени уделять внимание *своему* винограднику, и она жалуется на жестокость братьев своему возлюбленному.

Смысл 7-ого стиха в первом переводе из-за буквализма не совсем понятен:

«*Зачем мне скитаться...* «*Зачем мне искать тебя...*
возле стада товарищей твоих?» (1) *обходя отары, что пасут твои друзья*» (2)

Второй переводчик, дважды используя конкретизацию — (вместо «*скитаться*» — «*искать тебя*» и вместо «*стада*» — «*отары*»), облегчает читателю понимание смысла этой строки.

В 8-ом стихе в первом переводе, условное предложение «*если ты не знаешь*», называющее причину, не продолжено следствием, и потому содержит недосказанность, затемняющую смысл всей фразы:

«*Если ты не знаешь прекраснейшая из женщин,* «*Если не знаешь ты, где найти меня,*
то пойдй по следам овец» (1) *прекраснейшая из женщин,*
 -гони ягнят своих по овечьим тропам» (2)

Во втором переводе этого стиха благодаря дополнению «*где найти меня*» сохранена причинно-следственная связь.

В 9-ом стихе оба переводчика, воспроизводя сравнение подлинника, допустили, к сожалению, стилистические нарушения, не учитывая прагматику перевода:

«*Кобылице в колеснице Паро*» «*С кобылицей в колеснице фараоновой*
уподобил я тебя» (1) *сравню я тебя*» (2)

В первом переводе негативную коннотацию несет в себе словосочетание «*кобылице... уподобил я тебя*». Кроме того, первый переводчик, затемняет смысл высказывания, транслитерируя древнееврейское слово, означающее «фараон», поскольку воспринял его как имя собственное — «*в колеснице Паро*». И во втором переводе выражение «*с кобылицей... сравню я тебя*» звучит по отношению к девушке несколько уничижительно, поскольку дается без широкого контекста. В колесницы фараонов запрягали *только жеребцов*, а присутствие кобылицы вызвало бы крайнее замешательство в упряжи. Для сравнения приведем вариант перевода этого стиха, где можно избежать уничижительной коннотации: *Возлюбленная влечёт меня более, чем жеребцов кобылица, окажись она вдруг в фараоновой колеснице.*

10-ый стих первым переводчиком переведен стилистически удачнее, чем второй, поскольку прост и в то же время понятен:

«*Прекрасны в подвесках щеки твои,* «*красота щек твоих*
в ожерельях шея твоя!» (1) *оттенена серьгами*» (2)

Во втором же переводе присутствует нарушение сочетаемости слов, поскольку в русском языке лексема «*красота*» сочетается скорее с лексемой «*подчеркивается*» а не «*оттеняется*», как это предлагает переводчик.

В 12-ом стихе первого перевода были замечены следующие смысловые неточности. Во-первых, логику повествования нарушает употребление союза «*пока*». Во-вторых, переводчик транслитерирует древнееврейское слово «*нэйрд*» согласно его произношению, в результате чего русский читатель не поймет, что речь идет о **нарде** — редком растении, растущем в Гималаях, экстракт из которого входил в состав изысканных благовоний.

«Пока за трапезою царь,
нэйрд мой издавал запах свой» (1)

«царского пиршественного стола
достигает запах моего нарда» (2)

Второй переводчик, не впадая в натурализм, объясняет смысл высказывания и сохраняет при этом лирическую интонацию подлинника.

В 13-ом стихе в первом переводе сочетание слов «пучок мирры... меж грудями моими» создаёт образ, далёкий от поэтического, который искажает смысл интимного признания девушки:

«Друг мой для меня, как пучок мирры,
что ночует меж грудями моими» (1)

«Благоухаешь ты, как сосуд с миррой,
возлюбленный мой, голова твоя покоится
на моей груди» (2)

В отличие от первого, малохудожественного варианта перевода, во втором переводе этого стиха смысл высказывания облечен в поэтическую форму благодаря удачному выбору лексем «сосуд с миррой» и «покоится на моей груди».

В 14-ом стихе в первом переводе вновь наблюдается тенденция автора к транслитерации древнееврейских слов, — переводчик употребляет малопонятное для русской речи слово «*кофэр*»:

«Кисть кофэра — друг мой для меня
в виноградниках Эйи-Геди» (1)

«возлюбленный мой, как кисть кипера,
который выращивают в Эйи-Геди» (2)

Только из второго перевода читатель может понять, что речь идет о растении «*кипер*».

В 15-ом стихе в первом переводе непонятна метафора «*глаза твои — голуби*», поскольку читателю сложно догадаться, какое именно качество является базой сравнения:

«(Как) прекрасна ты, подруга моя,
как ты прекрасна!

«Как прекрасна ты, подруга моя,
как прекрасна!

Глаза твои — голуби» (1)

Глаза твои чисты, как у голубки» (2)

Второй переводчик, используя сравнение, раскрывает смысл высказывания.

В 17-ом стихе во втором переводе ёмко и лаконично переведены сравнения: «*крыша... — кроны кедров, стены — стволы кипарисов*». В первом же переводе лексемы «*кровли*» и «*балки*» несут в себе терминологический оттенок, из-за чего исчезает метафоричность приведенных выше сравнений:

«Кровли домов наших — кедры,
балки — кипарисы!» (1)

«Крыша приюта нашего — кроны кедров,
стены — стволы кипарисов» (2)

Во 2-ом стихе II Песни воспевается красота любимой, которая выделяется на фоне остальных девушек и потому сравнивается с ярким цветком, растущим среди невзрачных растений. Второй перевод по сравнению с первым утрачивает лирическую интонацию, во-первых, из-за лексемы мужского рода «*тюльпан*», с которым сравнивается любимая, а во-вторых, из-за прозаической лексемы «*колючки*», с которыми сравниваются остальные девушки:

«Как между тернами лилия,
так подруга моя между дев» (1)

«Как тюльпан среди колючек,
подруга моя среди девушек» (2)

В 4-ом стихе в первом переводе фраза «*винный дом*» содержит в себе двусмысленность, негативную коннотацию которой второй переводчик сумел избежать:

«он привел меня в винный дом
и зная его надо мною — любовь» (1)

«привел он меня на пир любви,
которую излучают его глаза» (2)

Вторая часть этого же стиха в первом переводе из-за буквализма утрачивает интимную интонацию: «*зная его... — любовь*».

Второй переводчик использует приём логического развития понятия и сохраняет тем самым камерность повествования: «*любовь... излучают глаза его*».

В 5-ом стихе колорит библейского текста в первом переводе искажается из-за использования переводчиком лексемы с неуместной прозаической коннотацией — «*пастила*» и не совсем понятного сочетания «*освежите меня яблоками*»:

«подкрепите меня пастилою,
освежите меня яблоками»,
ибо я больна любовью» (1)

«подкрепите меня пирогами,
окружите мое ложе яблоками,
чей аромат освежает,
ибо я больна любовью» (2)

Вариант второго переводчика удачнее, поскольку он объясняет, что освежают не сами плоды, а их аромат.

В 8-ом стихе в первом переводе глаголы «*скачет*» и «*прыгает*» вне контекста создают неуместный комический эффект и сильно затрудняют понимание текста в целом.

«Скачет он по горам,
прыгает по холмам» (1)

«Он стремится ко мне, перепрыгивая
через горы, перескакивая через холмы» (2)

Второй переводчик, умело добавляя контекст, раскрывает смысл высказывания и, конкретизируя глаголы префиксами, сохраняет стиль повествования.

Перспективы дальнейшего исследования. Компаративный анализ переводов позволил определить художественный уровень двух современных переводов Песни Песней и подтвердить факт, заключающийся в том, что достижение функционального соответствия перевода оригиналу возникает лишь в том случае, когда переводчик избегает буквального копирования подлинника и стремится творчески воплотить художественные образы исходного текста в словесную ткань другого языка. Результаты данной статьи найдут практическое применение в преподавании теории и практики перевода.

Литература

1. Гончаренко С. Ф. К вопросу о становлении отечественной школы стихотворного перевода. *Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца*. Москва, 1978. Вып. 127. С. 131–143.
2. Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск : Флинта, 2008. 845 с.
3. Кетувим (Писания). Иерусалим : Мосад Арав Кук, 1978. 792 с.
4. Песнь Песней : Комментированное издание. Иерусалим-Москва, 2000. 1030 с.
5. Nida E. A. *Bible Translating : An Analysis of Principles and Procedures, with Special Reference to Aboriginal Languages*. American Bible Society, 1947. 362 p.
6. Nida E. A. *God's Word in Man's Language*. Harper & Row, 1952. 191 p.
7. Nida E. A. *Toward a Science of Translating : With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Brill, 1964. 331 p.

References

1. Goncharenko, S. F. (1978), "On the formation of the national school of poetic translation", *Collection of scientific papers of the M. Torez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages* ["K voprosu o stanovlenii otechestvennoy shkoly stikhotvornogo perevoda", *Sb. nauch. trudov Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov imeni Morisa Toreza*], Moscow, vol. 127, pp. 131–143.
2. Sinilo, G. V. (2008), *Ancient Literatures of the Near East and the World of the Tanakh (Old Testament)* [*Drevniye literatury Blizhnego Vostoka i mir Tanakha (Vetkhogo Zaveta)*], Flinta Publishing house, Minsk, 845 p.
3. Yosifon, D. (Eds.) (1978), *Ketuvim (Scriptures)* [*Ketuvim (Pisaniya)*], Mossad Arav Kuk, Jerusalem, 792 p.
4. *Song of Songs : commented edition* (2000) [*Pesn' Pesney : Kommentirovannoye izdaniye*], Jerusalem–Moscow, 1030 p.
5. Nida, E. A. (1947), *Bible Translating : An Analysis of Principles and Procedures, with Special Reference to Aboriginal Languages*. American Bible Society, 365 p.
6. Nida, E. A. (1952), *God's Word in Man's Language*, Harper & Row, 191 p.
7. Nida, E. A. (1964), *Toward a Science of Translating With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*, Brill, 331 p.

БУКРЄБА Лілія Леонідівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; моб.: +380972535137; e-mail: lilibuk@ukr.net/

КОЗАК Тетяна Борисівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; моб.: +380674883681; e-mail: anton_kozak@ukr.net/

КОМПАРАТИВНИЙ АНАЛІЗ СУЧАСНИХ ПЕРЕКЛАДІВ БІБЛІЙНОГО ТЕКСТУ

Анотація. *Метою* статті є визначення функційної подібності тексту Біблії та тексту її перекладів на основі їх компаративного аналізу. *Об'єктом* наукового розгляду виступають стилістичні особливості російських перекладів біблійного тексту, який став *предметом* дослідження. У дослідженні з'ясовано характерні особливості двох сучасних перекладів старозавітної книги Писня Писень Соломона, виконаних з давньоєврейської мови російською, і визначити *методом* компаративного аналізу ступінь смислової і художньої розбіжності у досліджуваних текстах. Актуальність розгляду цього видатного літературного твору збереглася і дотепер, оскільки ця старозавітна книга цікава розмаїттям стилістичних прийомів, переклад яких вимагав від перекладачів протягом багатьох століть і творчого підходу, і надзвичайно широких фонових знань. Компаративний аналіз перекладів дав змогу визначити художній рівень двох сучасних перекладів Писні Писень і *результат* дослідження підтвердив факт, що досягнення функціональної тотожності перекладу з оригіналом виникає лише в тому випадку, коли перекладач уникає буквального копіювання оригіналу і намагається творчо втілити художні образи вихідного тексту у словесну тканину іншої мови. **Висновки.** Порівняння перекладів робить очевидним той факт, що велика кількість буквалізмів, невиправданих транслітерацій, стилістичних і логічних помилок у першому варіанті, виконаному за редакцією Давида Йосифона (1978), значно поступається за своїми художніми характеристиками другому перекладу Даат Мікра («Погляд на Танах», 2000). **Наукова цінність** роботи полягає в тому, що порівнювані сучасні переклади були виконані безпосередньо з давньоєврейської мови —

мови оригіналу, на відміну від більшості перекладів, виконаних з давньогрецької мови, а результати пропонованої статті знайдуть своє **практичне застосування** у викладанні теорії та практики перекладу.

Ключові слова: художній переклад, буквализм, адекватність, компаративний аналіз, труднощі художнього перекладу, функційна тотожність, Пісня Пісень.

Lilia L. BUKREEVA,

Candidate of Philological Sciences, Associate professor of the German Language Chair, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzkyi blvd., Odessa, 65058, Ukraine; моб.: +38 097 2535137; e-mail: lilibuk@ukr.net/

Tatjana B. KOZAK,

Candidate of Philological Sciences, Associate professor of the Foreign Languages for Arts, Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzkyj blvd., Odessa, 65058, Ukraine; моб.: +380674883681; e-mail: anton_kozak@ukr.net/

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN TRANSLATIONS OF THE BIBLE

Summary. The *purpose* of the article is to determine the degree of functional similarity between the Bible text and its translations based on their comparative analysis. The *object* of the scientific consideration is the stylistic features of the Russian translation of the Bible text, which is the *subject* of the research. The objectives of the study were to identify the characteristic semantic and stylistic features of two modern translations of the Old Testament book of the Song of Solomon, made from Hebrew into Russian, and to determine using the comparative analysis *method* the degree of semantic and artistic divergence in the studied texts. The timeliness of considering this outstanding literary work has remained to this day, since this Old Testament book abounds with stylistic devices, the translation of which required from translators both a creative approach and extremely broad background knowledge. The translations comparative analysis made it possible to determine the artistic level of two modern translations of the Song of Songs and the *results* of the investigation confirm the fact that the achievement of faithful translation of the source text in the target language occurs only when the translator avoids word for word translation and tries to render properly source artistic images in the target language. **Conclusions.** Translations comparison makes it obvious that the abundance of literalisms, unnecessary transliterations, stylistic and logical mistakes in the first version, edited by David Yosiphon (1978), is significantly inferior in its artistic characteristics to the second translation by Daat Mikrs ('Look at the Tanakh', 2000). The *novelty* of the work lies in the fact that the compared modern translations were made directly from the Hebrew language — the original language, in contrast to most translations made from the ancient Greek language. The *practical results* of the given article can be applied while teaching theory and practice of translation.

Key words: literary translation, word for word translation, faithfulness, comparative analysis, the difficulties of literary translation, functional faithfulness, Song of Songs.

Статтю отримано 20.02.2021 р.